

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ МАТЕМАТИКИ И
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Информационный дайджест:

Опросы, политика, экономика, наука, образование

7 – 13 октября 2019 г.

5 октября, источник: Indicator. Ru Для КМС ИВМиИТ подготовил Казанцев А.В.

02 октября в 10:30

Александр Сергеев: «Давайте будем честными до конца»

Итоги анкетирования к шестилетию реформы РАН

Президент РАН Александр Сергеев
[Владимир Трефилов/РИА Новости](#)

Почему РАН не занимается наукой, большинство ли членов академии и профессоров РАН относятся к изменениям негативно, считается ли российская наука передовой, где взять еще денег на оснащение институтов научным оборудованием и стоит ли ждать принятия ФЗ «О науке» в ближайшем будущем, читайте в материале Indicator.Ru.

Членов-корреспондентов, академиков и профессоров РАН опросили об итогах реформы 2013 года, после которой собственность и деньги РАН перешли к ФАНО. Реформа была не раз названа «гвоздем в крышку гроба российской науки», «блицкригом» и другими нелестными эпитетами, ученые выходили против нее на митинги и возмущались. С той поры прошло шесть лет. Что же они думают о ней сейчас, решили выяснить два института — психологии и социологии — РАН, Координационный совет профессоров Академии и Управление информационной политики и пресс-службы РАН. Рассказал о результатах Александр Сергеев.

Но сначала немного о методике опроса. Он проводился онлайн в два этапа. На первом, в котором были вопросы с выбором вариантов и открытым ответом, отвечали профессора РАН (179 человек из чуть больше 600 имеющихся — хотя в таблице распределения респондентов по возрастам указан 171 человек). На втором этапе расширенную и доработанную анкету отправили не только им, но и членам-корреспондентам и академикам. Получилось 711 анкет, но в этот раз все вопросы были уже с выбором из данных вариантов. Этот опрос стал основным.

Мнимые величины

«Результаты оказались где-то более тревожными, чем можно было ожидать», — отметил президент РАН. «Научное сообщество РАН единодушно в негативной оценке последствий реформы РАН», — вторит ему вывод в тексте-анализе. Но приведенные в подтверждение данные не так уж однородны: «61% респондентов считают, что влияние реформы на их область исследования было отрицательным, еще 22% отмечают как положительные, так и пагубные последствия. По мнению большинства опрошенных (64%), за прошедшие шесть лет положение дел в российской науке ухудшилось». То есть отрицательные оценки у более чем половины, но никак не у всех опрошенных.

Единодушие можно наблюдать разве что на Дальнем Востоке, где на ухудшение положения пожаловались 100% ученых, в Уральском отделении (94,7%), отделении историко-филологических наук (94,3%) и отделении физиологических наук (88%). Но если посмотреть в таблицу внимательно, в эту сумму включены и нейтральные отзывы, поэтому и текст доклада, и президент РАН Александр Сергеев упустили мнение до 30% опрошенных. Только причисляя нейтральные мнения к отрицательным, можно добиться этих пугающих цифр («в 10 раз больше ученых считает, что скорее отрицательно, чем положительно»), названных главой академии.

Оценка положения в своей научной области учеными из разных отделений РАН (% респондентов)

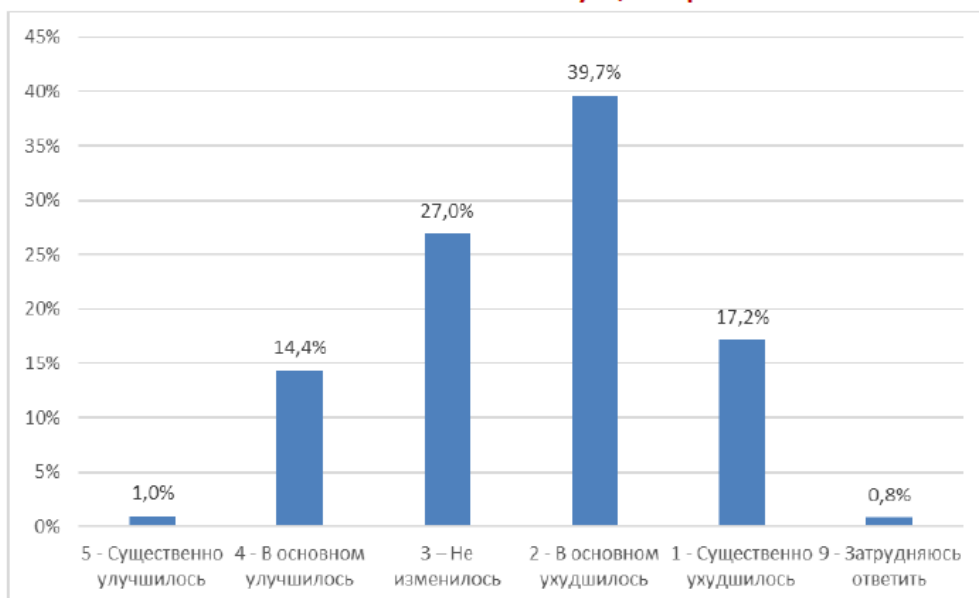
Отделение РАН	5 - Существенно улучшилось	4 - В основном улучшилось	3 - Немного изменилось	2 - В основном ухудшилось	1 - Существенно ухудшилось	9 - Затрудняюсь ответить
Отделение математических наук		6,5%	29,0%	46,8%	16,1%	1,6%
Отделение физических наук		13,2%	26,4%	43,4%	17,0%	
Отделение нанотехнологий и информационных технологий		8,0%	52,0%	12,0%	28,0%	

Отделение энергетики, машиностроения, механики и процессов управления		10,9%	30,4%	43,5%	13,0%	2,2%
Отделение химии и наук о материалах		15,9%	33,3%	34,9%	14,3%	1,6%
Отделение биологических наук	4,1%	24,5%	18,4%	40,8%	12,2%	
Отделение физиологических наук		8,0%	12,0%	40,0%	40,0%	
Отделение наук о земле	3,6%	8,9%	26,8%	37,5%	21,4%	1,8%
Отделение общественных наук		8,3%	37,5%	29,2%	25,0%	
Отделение глобальных проблем и международных отношений			80,0%	20,0%		
Отделение историко-филологических наук	2,9%		14,3%	74,3%	8,6%	
Отделение медицинских наук		28,8%	29,8%	29,8%	10,6%	1,0%
Отделение сельскохозяйственных наук	1,4%	21,7%	24,6%	37,7%	13,0%	1,4%
Сибирское отделение	2,1%	12,8%	19,1%	46,8%	19,1%	
Уральское отделение			27,3%	40,9%	31,8%	
Дальневосточное отделение			16,7%	33,3%	50,0%	

Фото: Управление информационной политики и пресс-службы РАН

Интересно, что более молодое поколение жизнью недовольно реже: среди профессоров РАН 20% считают, что положение дел улучшилось. В отдельных областях тоже есть всплески оптимизма: в биологии улучшения заметили 24,5%, в медицине — 28%, в сельском хозяйстве — 21% респондентов. В отделении глобальных проблем большинство (80%) изменений не наблюдали, хотя оттуда поучаствовало в анкетировании всего пять человек.

Как изменилось за последние шесть лет положение дел в той области российской науки, которой Вы занимаетесь? Оно...

Как изменилось в целом за прошедшие шесть лет положение дел в российской науке? (оцените по 5-балльной шкале). Оно...

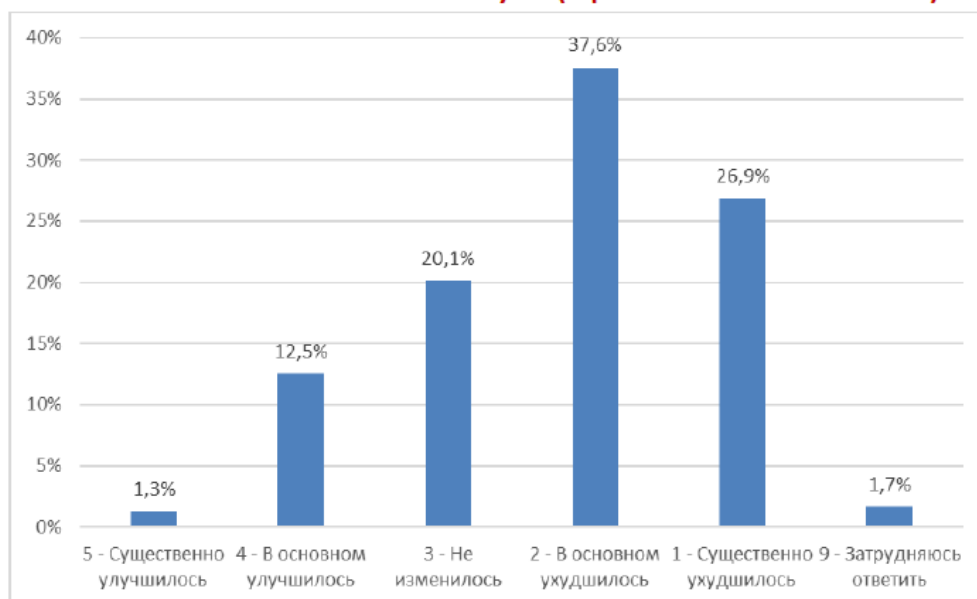

Фото: Управление информационной политики и пресс-службы РАН

Но и в общей выборке хватает нейтральных отзывов: 20,1% опрошенных считает, что ситуация в российской науке за прошедшие шесть лет не изменилась. В опросе про конкретные области науки к такому варианту пришли 11,4%, а еще 21,58% участников согласились, что у реформы были и положительные, и отрицательные последствия.

Камо грядеши

Но вопросов было много, и найти в них можно немало интересного. У авторов исследования, судя по всему, была также нулевая гипотеза, что цели реформы большинству

ученых кажутся туманными, если не вредительскими, а приоритеты СНТР им неясны. Участникам задавали два вопроса на эту тему, но относительно всего научного сообщества — то есть просили отвечать за некий гипотетический консенсус, а не за себя.

Рисунок 1.4.
Оценка понятности целей реформ в науке и возможности влиять на них: данные первого этапа исследования - только профессора РАН, N=179)

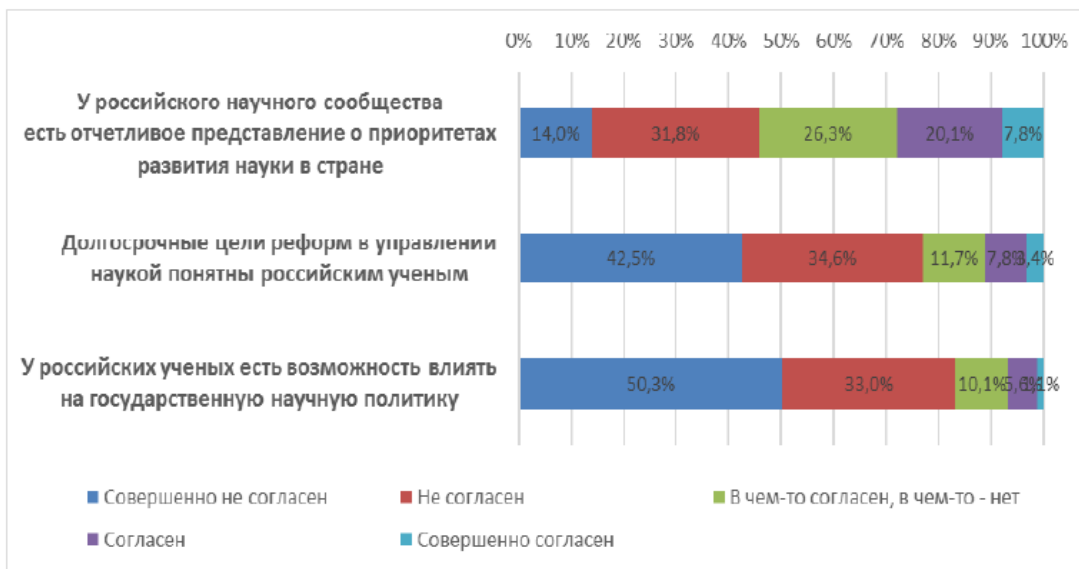

Рисунок 1.5.
Оценка изменений, произошедших в российской науке за 6 лет реформ (N=711)

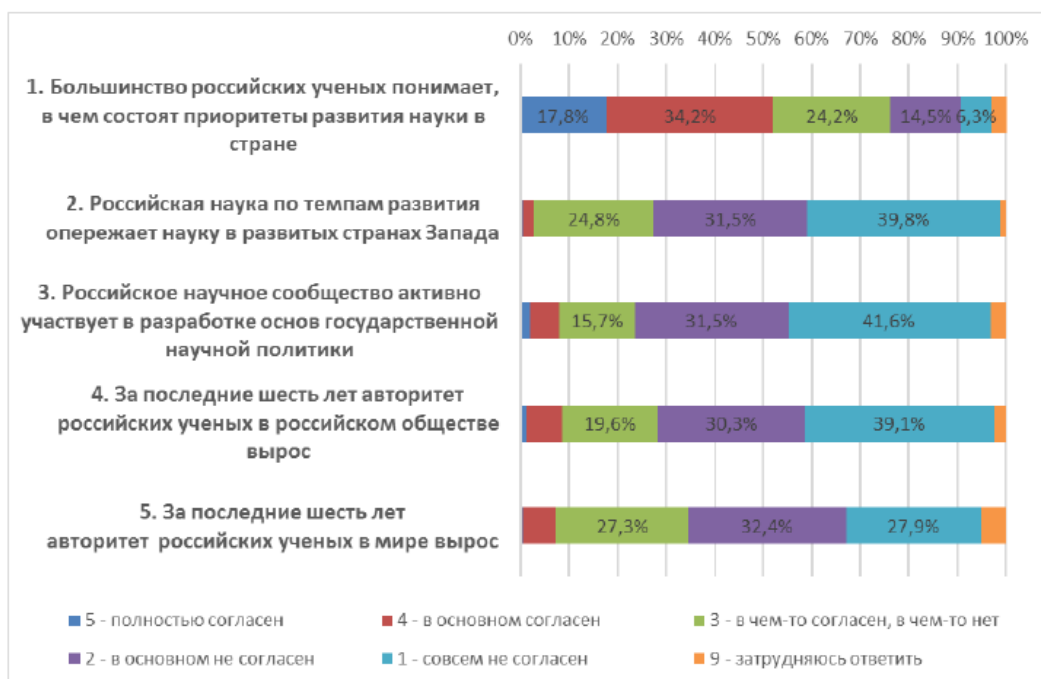
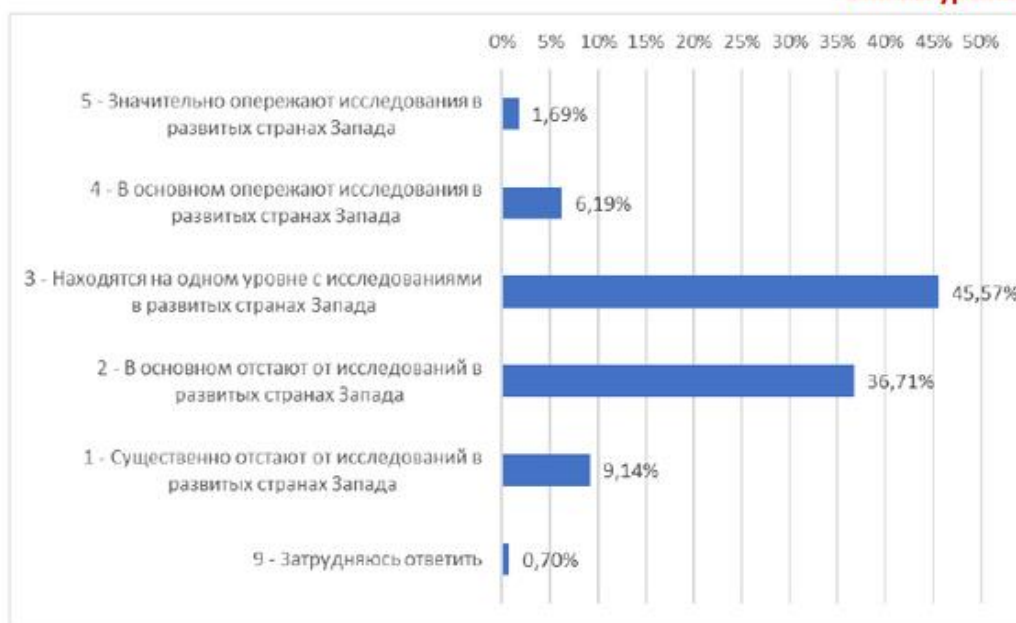

Фото: Управление информационной политики и пресс-службы РАН

«В представлениях профессоров РАН реорганизация системы управления наукой не связана с целями, заявленными Стратегией НТР РФ до 2035 года, — резюмировал Сергеев. — Можно предположить, что долгосрочные цели реформы в управлении наукой непонятны большинству опрошенных не столько из-за плохой информированности о самих целях, сколько из-за отсутствия у научного сообщества рычагов влияния на государственную научную политику». А с тем, что на политику они влиять не могут, согласились более 70% опрошенных в обеих анкетах — хотя президент РАН заявил, что 80% считают, что «у них есть возможность влиять на государственную научную политику». «Ученые любят, когда с ними советуются при проведении различных реформ, и очень негативно воспринимают, когда эти реформы безальтернативно спускаются сверху. А если научный работник не понимает, что и зачем надо делать, то эффективность его работы будет низкой», — прокомментировал эту ситуацию Сергеев, намекая на потрясшую все сообщество реформу 2013 года.

Попросили ученых и сравнить российскую науку с западной. Почти половина опрошенных считает, что наши исследования не уступают зарубежным и находятся на одном уровне с развитыми странами. Уверенных в опережающем развитии российской науки немного — чуть меньше 8%.

**На каком уровне находятся российские исследования в Вашей области науки?
Они по уровню....**

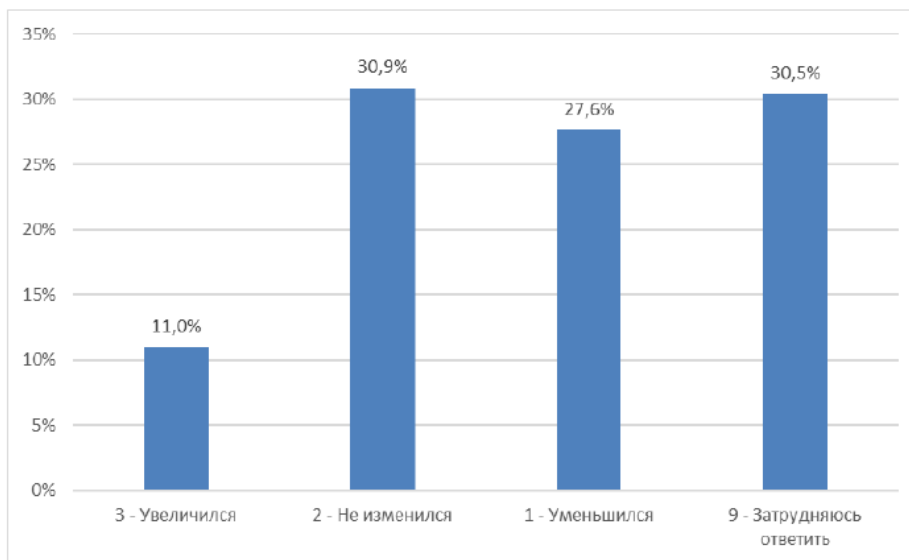
Управление информационной политики и пресс-службы РАН

Интересно, что больше всего (целых 17,1%) уверенных, что мы впереди планеты всей, нашлось в историко-филологическом отделении, где несколькими вопросами ранее практически больше всех жаловались на тяжелую долю за последние шесть лет. Среди физиологов и медиков оказалось больше всех чувствующих себя отстающими — 64% и 57,6% соответственно.

«По закону Академия не проводит научные исследования»

Не могли не затронуть и такую болезную тему, как деньги. «Если посмотреть по процентам ВВП, которые мы тратим на науку из бюджета, по этому показателю мы выглядим очень неплохо — лучше, чем в Англии и во Франции, чуть хуже, чем в США», — заявил Александр Сергеев. Однако за рубежом не из госбюджета (в науку) приходит 70–80% финансирования, тогда как в России это соотношение перевернуто с ног на голову.

Как Вы считаете, за последние шесть лет объем финансирования российских научных исследований компаниями увеличился, уменьшился, не изменился?

Какую долю в процентах в Вашей области науки составляет бюджетное финансирование, финансирование госкорпорациями, финансирование грантооператорами, финансирование частными компаниями? Пожалуйста, распределите 100% между следующими источниками финансирования

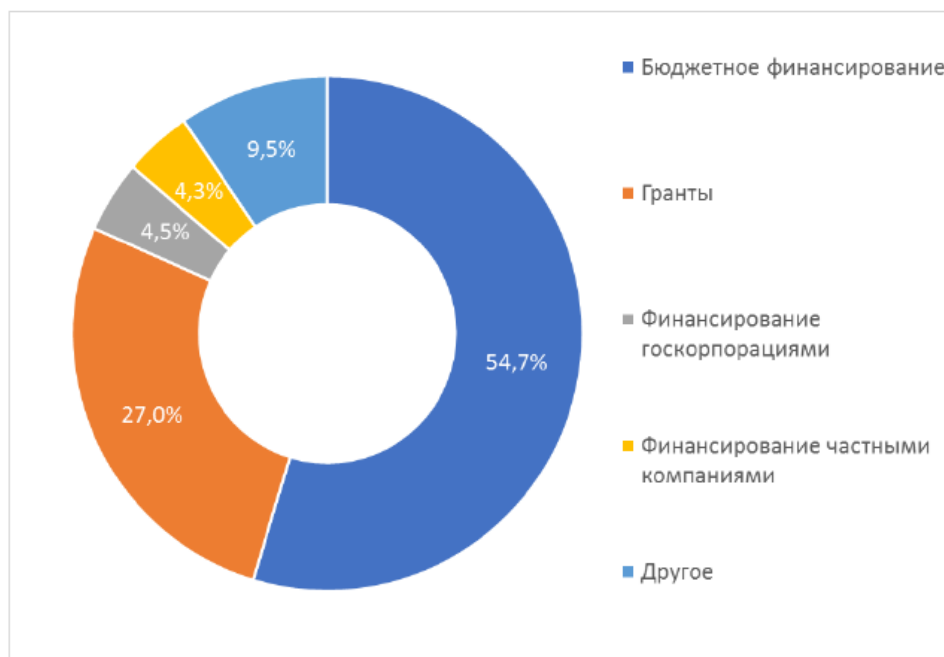

Фото: Управление информационной политики и пресс-службы РАН

Успешнее всего деньги компаний привлекают науки, порождающие технологии или имеющие прикладное применение: в области энергетики, машиностроения, механики и процессов управления лишь 40,7% денег приходит из бюджета, в отделении химии и наук о материалах — 45,2%, в отделении биологических наук — 45,9%. На вопрос, кто должен решать эту проблему, Александр Сергеев ответил, что этим должны заниматься все: Совет по приоритетам СНТР, Координационный совет, Администрация президента РФ, Минобрнауки.

«К сожалению, затянули процесс старта первых проектов и первых программ. У нас очень немного положительных примеров, когда бизнес готов вкладывать не только в прикладные дела, но и в поисковые, фундаментальные исследования. Бизнес смотрит на примеры, а большой статистики у нас нет. Надо как можно скорее этот процесс организовать», — считает Сергеев. Происходит ли тут размывание ответственности, чувствует ли бизнес у нас в стране себя недостаточно безопасно и комфортно, отказываются ли сами ученые думать о возможных нуждах компаний, связанных со своей работой, — результат один, и очень неутешительный.

«Инструментарий в каждой области становится все более дорогостоящим. Порой, чтобы какой-то инструмент сделать или получить, не хватает денег не то что у какого-то отдельного университета — у страны не хватает денег, происходит кооперация», — напомнил президент РАН. Так что финансирования, как всегда, недостаточно. «Мы подсчитали, что на научного работника в России приходится 100 тысяч долларов в год. Ученых в стране 350 тысяч человек. В ведущих странах Запада — 300–400 тысяч долларов, но это не значит, что мы отстаем только в три-четыре раза», — сообщил Сергеев. Дело в том, что суммы по финансированию на каждого исследователя в год для сравнений с зарубежными приводятся по паритетной покупательной способности, что, по его мнению, в корне неверно, ведь закупки того же самого оборудования мы совершаем через иностранных посредников и в итоге проигрываем по затратам почти в десять раз. А для ученого главное — даже не зарплата (которую президент РАН счел неплохой), а современное оборудование (не только megascience-установки, которых много стране и не нужно). Здесь мы и проигрываем в разы, и тем не менее хотим войти в пятерку, что, по его словам, «с существующим уровнем отставания невозможно».

Президент РАН также отметил, что сражался за финансирование на дополнительные полномочия Академии как мог, но больших результатов не добился. «Объясняется это не отсутствием денег, а тем, что, согласно закону, Академия наук не является научной организацией, а соответственно, и не проводит научные исследования, — уточнил глава Академии. — Исходя из этого, министерства, которые могли бы выступить за увеличение финансирования, не имеют для этого юридических возможностей. Значит, нет научных исследований — тогда нет и финансирования на них». Он добавил, что РАН поднимала этот вопрос в высших инстанциях не раз, но никакого результата не добились. Выходит, что статус Академии с этой точки зрения — сплошной казус и парадокс.

Что делать?

Отвечая на вопросы, ученые высказывали не только критику, но и предложения. Изменит ли нынешнюю ситуацию новый закон «О науке», который Минобрнауки готовит уже три года, пока РАН предлагает продлить этот процесс? Вариант Минобрнауки Сергеев назвал «даже не какой-то нулевой итерацией, а документом к размышлению», который приглашал к участию в законотворческой деятельности всех ученых. «Мы, спокойно

посмотрев на ситуацию, решили, что сейчас нет спешки в принятии закона о науке, поскольку он ничего концептуально нового не принесет. Мы решили подождать год, увидеть результаты реализации нацпроекта («Наука» — прим. Indicator.Ru). И с учетом новой системы координат решим, как должен выглядеть закон», — рассказал Сергеев об итогах его рассмотрения РАН и Госдумой. По его словам, с этим все согласились (и даже создали Согласительную комиссию), и следующих новостей на эту тему стоит ждать через три-четыре месяца.

По словам президента Академии, новый закон должен быть хорош еще и через 15, и через 25 лет. Сейчас на гребне волны то НТИ, то СНТР, то нацпроект, предсказать появление которых за 10 лет было невозможно. А пока новый закон, актуальный в будущем, не сформулируют, и закон 1996 года подойдет — Сергеев даже назвал его «хорошим». «У меня такое впечатление, что летом искрили протесты, а сейчас так ладно и складно все пошло», — так оценил глава РАН взаимодействие с Минобрнауки по подготовке закона.

Что из перечисленного необходимо сделать для того, чтобы обеспечить ускоренное развитие фундаментальной науки в России?

Управление информационной политики и пресс службы РАН

Если закон снова отодвинут вдаль, то, может быть, добавить денег в науку помогут новые фонды? За их создание ратует до 75% респондентов. Здесь успехов в переговорах с частными инвесторами добиться все-таки удалось. «Они готовы вложить средства в фонд, — рассказал глава РАН. — Сейчас прорабатываются юридические вопросы: как этот фонд будет функционировать, что это должно быть за юридическое лицо, которое могло бы, с одной стороны, привлекать средства, а с другой стороны, чтобы могло тратить на обеспечение деятельности международных научных консорциумов». Он напомнил, что сейчас у российских ученых более 60 соглашений с зарубежными коллегами и что наука всюду делается консорциумами и не может не быть международной.

Финансирование ученые предложили сделать более дифференцированным — в зависимости от успешности научных коллективов. Среди критериев этой успешности (внезапно даже для президента РАН) на первом месте оказались публикации. Казалось бы,

уставшие от наукометрии академики, членкоры и профессора на самом деле понимают, что от публикаций не уйти — правда, многие были бы рады облегчить себе жизнь и не думать о каких-то там первом и втором квартилях. С такой позицией Александр Сергеев не согласен: он считает, что качество публикаций важнее их количества.

Еще одной проблемой, с которой предлагается бороться, стала вездесущая бюрократия, на которую жаловались до 90% респондентов. «Ученые не должны быть постоянно заняты отчетностью "сверху", которая регулярно поступает и с которой ученые не понимают, что делать. Все с этим согласны на уровне разговоров, тем не менее это не прекращается. В других сферах нашей жизни есть понимание, что надо заканчивать с "мелким администрированием", а в науке тем более пора этому положить конец», — заявил президент РАН.

Складывается впечатление, что положением дел в науке недовольны очень многие, но они очень сильно хотят казаться подавляющим большинством, хотя и не являются им. А чтобы решить главные научные проблемы науки, ученые РАН хотят получить больше права голоса и больше денег (хотя и жалуются на, увы, традиционно сопутствующую этим двум факторам бюрократию).

Indicator.Ru Мнение

<https://indicator.ru/humanitarian-science/davaite-budem-chestnymi-do-konca.htm>